

## Лекция IV. Китай в XVI – первой половине XIX в.

### План:

- 1) *Китай в эпоху монгольского господства.*
- 2) *Китай в период династии Мин (1368–1644)*
- 3) *Маньчжуры и династия Цин в Китае*
- 4) *Цинский Китай и внешний мир*

1) *Китай в эпоху монгольского господства.* После длительных кровопролитных войн, в ходе которых Китай был вынужден обороняться от войск наследников Чингисхана в 1280 г. Китай целиком оказался под властью монголов, а великий хан Хубилай стал китайским императором монгольской династии Юань (1280–1368).

Династия Юань просуществовала – если считать не формальные годы ее в китайских летописях, а фактическое господство в основной части Китая – свыше века, может быть, даже, для Северного Китая, около полутора веков. Это было едва ли не самое тяжелое время для Китая. На первых порах монголы вообще склонны были истребить всех отказывавшихся добровольно им сдаться. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы Китай постепенно обрел привычную для него норму существования. На протяжении этих десятилетий с нарастающей активностью действовали свойственные ему ассимиляционные и адаптирующие факторы: восстанавливалось разрушенное кочевниками земледелие, затем и ремесло, торговля; рос объем налоговых поступлений (во второй половине Юань, по некоторым данным, в 20 раз против времен Хубилая); в администрацию снова шли конфуцианские чиновники (с 1317 г. начала функционировать система экзаменов); потомки первых монгольских правителей, нередко бравших китайок в жены, все больше превращались в обычных китайцев. Быть может, в иных условиях все эти и иные аналогичные процессы постепенно и мирно сумели бы выправить ситуацию таким образом, что монгольская династия в конечном счете осталась бы монгольской в основном только по названию, как то случилось несколькими веками позже с маньчжурами в Китае. Но условия оказались неблагоприятными – как для китайцев, живших под монгольским игом и тяжело ощущавших это, так и для самих монголов, которые мало делали для блага управляемой ими страны.

Наиболее наглядно проявилось это в связи с потребностями ирригационного строительства. Система дамб на Хуанхэ давно пришла в негодность. Великая река то и дело прорывала дамбы и широко разливалась по долине, затопляя поля и жилища. В 1334 г. прорыв оказался настолько мощным, что река вновь, в очередной раз изменила русло, уничтожая на своем пути сотни тысяч жизней. В стране резко возросло недовольство монголами. Усилилось патриотическое движение, набравшее силу и проявлявшееся как в литературе (юаньская драма, патриотические романы типа «Троецарствия»), так и в политике. Вскоре страну охватило мощное народное движение, тут и там вспыхивали с трудом подавлявшиеся восстания. Власти попытались было в 1351 г. восстановить систему дамб и заставить реку вернуться в старое русло. Но было уже поздно. Объединение в районе строительства сотен тысяч людей лишь подлило масла в огонь: восстания вспыхнули с новой силой, причем во главе их оказались вожди тайного общества «Бай-ляньцзяо». Буддийская по своей религиозной основе, эта секта «Белого лотоса» существовала в Китае издавна, по меньшей мере с V в. Однако в XIV в. она превратилась в тайное общество, выдвинувшее на передний план эгалитарные крестьянские идеалы и предрекавшее скорое наступление века Будды грядущего Майтрейи и соответственно новой династии Мин (свет), которая покончит с мрачным господством монголов.

Покрыв свои головы красными повязками (символ грядущего царства Света), восставшие организовались в отряды «красных войск», которые начали решительную борьбу с монгольскими угнетателями. Восстание приняло не столько

сектантско-крестьянский, сколько национально-патриотический характер. И хотя первая его фаза закончилась в 1363 г. поражением красных войск, антимоногольское движение разгоралось в стране со все большей силой. Особенно когда во главе его стал Чжу Юань-чжан.

Родом из крестьян, хлебнув в молодости горя, Чжу Юань-чжан (1328–1398) был послушником в буддийском монастыре. Когда сторонники секты подняли восстание, он примкнул к нему и, проявив недюжинные способности, быстро выдвинулся в первые ряды вожаков. После разгрома первой фазы движения именно Чжу оказался во главе восставших. Опираясь на примкнувших к нему конфуцианцев, ученых знатоков китайской истории и культуры, он успешно действовал и в конечном счете, разгромив монгольские войска, провозгласил себя императором новой династии – Мин. Кроме названия, от эгалитарно-буддийских основ первоначального движения осталось к этому времени не так уж много. И это в общем понятно. Оставаясь вождем восставших крестьян, Чжу Юань-чжан, как и его далекий предшественник Лю Бан, с готовностью воспринял давным-давно апробированную конфуцианскую систему управления государством и обществом, конфуцианские принципы и порядки. Хотя как личность новый император был далек от конфуцианского идеала мудрого и справедливого правителя и скорее был деспотом типа Цинь Ши-хуанди и суйского Ян-ди, он тем не менее последовательно проводил конфуцианскую политику, в том числе в организации администрации, столь подорванной за время правления монголов. И это, безусловно, сыграло немаловажную роль в деле упрочения Мин.

**2) Китай в период династии Мин (1368–1644).** Взойдя на престол, Чжу Юань-чжан немало сделал для укрепления центральной власти. Сущность его аграрной политики, в частности, сводилась к увеличению доли крестьянских дворов в клине земель минь-тянь и к усилению строгого контроля за распределением казенных земель гуань-тянь. Раздача земли безземельным и малоземельным, переселение крестьян на пустующие земли, создание различного рода специализированных, т. е. опекаемых казной, поселений, как военных, так и гражданских, наконец, создание всекитайских налогово-земельных реестров, Желтого и Рыбьечешуйчатого, – все это означало, что вся система аграрных отношений в империи вновь берется под строгий контроль центральной администрации.

Было введено фиксированное налогообложение со сравнительно невысокими налогами, а некоторые категории дворов подчас вообще от налогов освобождались, как то бывало и прежде. Система повинностей была всеобщей, но реализовывалась поочередно, по мере надобности, по разверстке. Поочередным было и выполнение функций старост, отвечавших перед властями за соблюдение порядка и выполнение государственных указов. Что касается частных владений, т. е. тех случаев, когда земли категории минь-тянь в сравнительно большом количестве скапливались в руках богатых и реализовывались в форме сдачи их в аренду, то таких земель в начале Мин было, видимо, немного, да и арендная плата должна была быть умеренной хотя бы потому, что любой арендатор имел альтернативу: государство активно предлагало всем безземельным и малоземельным наделы на весьма необременительных условиях.

Аграрная политика Чжу Юань-чжана имела успех и способствовала созданию сильной централизованной империи. Правда, наделение родственников императора уделами, в которых они чувствовали себя почти независимыми владыками, – дань традиционной норме, последняя в этом роде в истории Китая, – привело было после смерти основателя империи к смуте, но она была сравнительно быстро ликвидирована одним из сыновей Чжу Юань-чжана, Чжу Ди, правившим под девизом Юнлэ (1403–1424). Чжу Ди восстановил пришедший в некоторый упадок аппарат центральной власти, построенный его отцом по классической конфуцианско-танской модели (высшие палаты; шесть центральных ведомств в системе исполнительной власти; провинциальные управления с разделением власти на гражданскую и военную; система экзаменов и др.),

после чего около столетия эта система действовала достаточно эффективно, что сказалось, в частности, и в сфере внешней политики.

Успешно изгнав монголов с территории империи (они были оттеснены на север, где и стали после этого активно осваивать степи современной Монголии), минская армия провела несколько успешных военных операций и на юге, в районе Вьетнама. Кроме того, китайский флот, возглавлявшийся Чжэн Хэ, с 1405 по 1433 г. совершил несколько престижных морских экспедиций в страны Юго-Восточной Азии, в Индию и даже к восточному побережью Африки. Экспедиции были весьма внушительными: они состояли из нескольких десятков многопалубных фрегатов с командой из сотен человек на каждом из них. Впрочем, эти пышные и дорогостоящие вояжи легли очень тяжелым бременем на казну и не принесли стране никакой экономической выгоды, вследствие чего в конечном счете они были прекращены (корабли были демонтированы). Для сравнения стоит вспомнить о почти одновременных с ними экспедициях Колумба, Васко да Гамы или Магеллана, куда более скромно оснащенных, но положивших начало тем Великим географическим открытиям, которые ознаменовали собой начало новой эпохи для всего человечества. Впечатляющая разница. Она лучше многих теоретических рассуждений свидетельствует о принципиальных структурных различиях между европейским рыночно-частнособственническим методом хозяйства с его индивидуально-личным интересом, энергией, предприимчивостью и т. п. и азиатским государственным командно-административным строем, для которого значение имели прежде всего престиж, демонстрация величия и всемогущества власти.

Аналогичной была ситуация и в сухопутных внешних связях, особенно торговых. Эти связи в императорском Китае издревле организовывались в форме так называемой даннической торговли и официально воспринимались в Китае как приезд варваров с дарами для принесения дани китайским императорам. Официальные дары принимались торжественно и согласно древним нормам реципрокно-престижного обмена требовали от императора ответных даров, причем объем и ценность императорских наград и пожалований должны были во столько же раз превышать «дань», во сколько престиж китайского императора ценился самими китайцами выше престижа любого из тех правителей, кто присылал упомянутую дань. Отсюда и результаты: торговля была крайне выгодной для иноземцев, перед которыми стояла легко разрешимая задача представить караван в виде официальной миссии. Это вело к тому, что китайские власти были вынуждены вводить официальные лимиты на подобного рода караваны для каждой из стран. Однако даннические связи подобного типа не прекращались, ибо они способствовали самоутверждению китайцев в их представлениях о том, что весь мир состоит из потенциальных данников и вассалов императора Поднебесной империи.

В минское время, когда торговля расцветала, такого рода соображения доминировали и одно время чуть было не привели Китай к драматическим событиям. На рубеже XIV–XV вв. было послано официальное послание самому великому завоевателю Тамерлану с предложением и ему засвидетельствовать свое почтение китайскому императору. Получив подобное предложение и негодуя на наглость его авторов, владыка полмира начал было готовиться к карательному походу на Китай, и только неожиданная смерть Тимура в 1405 г. спасла только что оправившуюся от мятежа удельных князей империю от планировавшегося нашествия.

В целом на протяжении первого века своего существования династия Мин проводила успешную политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Случались, конечно, и накладки. Так, в 1449 г. один из монгольских ханов, предводитель племени ойратов Эсен, сумел совершить удачную экспедицию в глубь Китая вплоть до стен Пекина. Но это было лишь эпизодом; практически столице минского Китая ничто не угрожало, как и империи в целом. Однако с конца XV в. положение страны стало гораздо хуже: Китай, как это было характерно для второй половины династийного цикла, начал медленно, но верно вступать в полосу затяжного кризиса. Кризис был всеобщим и всесторонним, причем начался он,

как и обычно, с изменений в экономике и социальной структуре страны, хотя наиболее наглядно проявил себя в области внутренней политики.

Все началось, как не раз случалось, с усложнения аграрных проблем. Росло количество населения, увеличивалось число крестьян, не имеющих земли либо имеющих ее в недостаточном количестве. Параллельно с этим шел обычный процесс поглощения крестьянских земель минь-тянь: богатые понемногу скупали или отбирали за долги земли разорвавшихся крестьян, которые после этого либо уходили с насиженных мест, либо оставались на них в новом социальном качестве арендаторов. Те, кто менял местожительство, нередко приходили к тому же итогу. Все это вело к уменьшению доходов казны по уже упомянутой причине: взять равный утерянному налог с богача было практически невозможно, ибо немалая часть богатых имела льготы, подчас налоговый иммунитет, а другие нередко были в числе шэньши, которые играли важную роль в местном самоуправлении, имели влияние при канцелярии уездного начальника и достигли виртуозного искусства в деле уменьшения своих налогов. Правда, при этом формально налоговый груз перекладывался на плечи остальных, но этот выход тоже был невыгодным для казны, ибо ухудшал положение земледельцев и постепенно приводил экономику страны в критическое состояние. Недобор же налогов, бывший следствием описанного процесса, вынуждал казну прибегать к различным дополнительным мелким, местным, чрезвычайным и иным поборам и пошлинам, что в совокупности опять-таки ложилось тяжелой ношей на налогоплательщиков и тоже вело к кризису.

Создавался своего рода заколдованный круг. В годы предшествовавших династий (Тан, Сун) этот круг разрывался посредством решительных реформ. Династия Мин этого сделать не смогла, ибо требование реформ встретило жесткую оппозицию со стороны двора. В этом, собственно, и заключался тот затяжной кризис, который доминировал в минском Китае на протяжении почти полутора веков и привел в конечном счете династию к гибели.

Минские императоры после Чжу Ди, за редкими исключениями вроде реставрировавшего Великую стену Вань Ли, были в основном слабыми правителями. Делами при их дворах обычно заправляли временщики из числа родни императриц и евнухи – картина, очень похожая на ту, что была полутора тысячелетиями ранее в конце Хань. Неудивительно, что на рубеже XV–XVI вв. в стране сформировалось мощное оппозиционное движение во главе с наиболее влиятельными конфуцианцами, среди которых едва ли не самое видное место занимали члены палаты цензоров-прокуроров, обличавшие в своих докладах императору произвол временщиков и административные упущения в стране, а также требовавшие реформ. Послания такого рода встречали суровый отпор, сопровождавшийся репрессиями, но оппозиция не прекращала своих обличений, скорее даже наращивала усилия в этом направлении. В конце XVI в. она официально организовалась вокруг академии Дунлинь в Уси, возникшей на базе местного училища, которое готовило кадры знатоков конфуцианства, будущих чиновников. К этому времени движение за реформы и выступления за добродетельное правление уже получили всеобщее признание в стране. А такие видные чиновники, как знаменитый Хай Жуй, не только демонстративно, в пределах их власти, шли на обострение отношений со ставленниками двора, с протезе временщиков, не останавливаясь перед суровыми наказаниями казнокрадов и иных провинившихся, но и были готовы, снискав популярность в народе, буквально требовать от императора реформ.

С начала XVII в. сторонники реформ значительно усилили свои позиции. В отдельные моменты им даже удавалось одержать верх, заполучив влияние на того или иного очередного императора. Правда, этот склонный к реформам император вскоре быстро устранялся дворцовой кликой, а на дунлиньцев обрушивались гонения. К их чести следует заметить, что гонения их не страшили и не заставляли предавать убеждения. Не раз и не два очередной влиятельный чиновник подавал на имя императора доклад с обличениями и требованиями реформ и одновременно готовился к смерти, ожидая от

императора приказа удавиться (символом такового обычно являлась присылка виновному шелкового шнура). Власть евнухов и временщиков была свергнута лишь в 1628 г. Но было уже поздно. Страна в это время была охвачена пламенем очередного мощного крестьянского восстания, возглавлявшегося крестьянином Ли Цзы-чэном.

**3) Маньчжуры и династия Цин в Китае.** За полтора века затянувшейся политической борьбы в верхах за необходимые стране реформы процесс разорения крестьян достиг крайней степени. Снова оживилась деятельность тайных обществ типа «Белого лотоса». Год от года возрастало количество беглых, значительная часть которых шла в отряды разбойного люда. Брошенные против мятежников войска не могли справиться с разгоравшимся восстанием, а в засушливом и голодном 1628 г. в его ряды влились новые массы готовых на все отчаявшихся крестьян. Выдвинулись и талантливые предводители восставших, одним из которых был Ли Цзы-чэн (1606–1645), проявивший незаурядные организационно-политические и полководческие способности. Ли Цзы-чэн, заботившийся о возвращении к попорченной норме, к существовавшим до кризиса отношениям, на занятых им землях конфисковывал имущество богатых, брал небольшие налоги, раздавал неимущим конфискованные земли и всенародно наказывал взяточников и притеснителей. Эти меры всегда помогали восставшим одерживать победы, так что неудивительно, что в 1644 г. войска Ли заняли Пекин, а сам он, покончив с Мин, объявил себя императором. Но на этом на сей раз события не закончились. Напротив, они стали развиваться самым драматическим образом.

На протяжении всей второй половины правления Мин, когда в стране шла ожесточенная внутренняя борьба за реформы, внешняя политика империи была малоэффективной. И хотя при императоре Вань Ли на рубеже XV–XVI вв. была отреставрирована Великая стена, она не мешала соседям Китая совершать на него спорадические набеги. Осложнились и отношения с южными соседями Китая: в XVI в. усилившаяся Япония, которой управлял сёгун Хидэёси, попыталась было вторгнуться в Корею и Китай. Несмотря на то, что вторжение закончилось неудачей, военных лавров минской армии оно не прибавило. В XVI–XVII вв. в Китае появляются первые европейцы – португальцы, затем голландцы. Большую роль при дворе последних минских императоров играли католические миссионеры-иезуиты, познакомившие Китай с неизвестными ему инструментами и механизмами (часы, астрономические приборы), наладившие производство огнестрельного оружия и в то же время обстоятельно изучавшие Китай. К началу XVII в. относятся и первые контакты России с Китаем (миссия Ивана Петлина в 1618 г.). На фоне всех этих многочисленных внешнеполитических, а затем и активных внешнеторговых связей с разными странами мира отношения с небольшим племенем маньчжуров, отдаленных потомков некогда разгромленных монголами чжурчжэней, были вначале чем-то маловажным и второстепенным. Однако в начале XVII в. ситуация стала быстро меняться.

Вождь маньчжуров Нурхаци (1559–1626) сумел не только сплотить под своим началом несколько десятков разрозненных племен, но и заложить основы политической организации. Как и в свое время монгольский Темучин, он обратил преимущественное внимание на армию. И хотя Нурхаци не сумел либо не стремился создать неплеменную армейскую структуру по монгольскому образцу, а ограничился укреплением племенных отрядов (по числу основных племен армия стала именоваться «восьмизнаменной»), маньчжурское войско оказалось весьма активным и боеспособным. В 1609 г. Нурхаци прекратил выплачивать дань минскому Китаю, связи с которым, как и влияние китайской культуры, немало сделали для ускорения темпов развития маньчжурского этноса. Затем он провозгласил собственную династию Цзинь (название, взятое от чжурчжэньского, явно подчеркивало как родство, так и претензии молодого государства) и в 1618 г. начал вооруженную борьбу с Китаем. За сравнительно небольшой срок он успел добиться немалого, выйдя практически к рубежам Великой стены в районе Шаньхайгуаня, на

крайней восточной оконечности стены. Преемник Нурхацы Абахай (годы правления: 1626–1643) провозгласил себя императором, изменив название династии на Цин и установив на всей территории Южной Маньчжурии и захваченных им ханств Южной Монголии централизованную администрацию по китайскому образцу.

Вот с этого-то времени маньчжурская конница и стала совершать регулярные набеги на Китай, грабя и увозя в плен, превращая в рабов сотни тысяч китайцев. Естественно, это вынудило минских императоров не просто стянуть войска к Шаньхайгуаню, но и сконцентрировать здесь едва ли не лучшую, крупнейшую и наиболее боеспособную из всех своих армий во главе с У Сань-гуем. После разгрома всех остальных минских армий и вступления Ли Цзы-чэна в Пекин в 1644 г. только армия У Сань-гуя продолжала представлять собой серьезную и боеспособную воинскую единицу, с которой следовало считаться. И новый император, понимая это, решил пойти на переговоры.

Собственно, У Сань-гуй был готов к переговорам. И как знать, чем они могли бы завершиться, если бы не драматическая случайность, которая спутала все карты. Вообще говоря, случайностями вымощена история человечества, хотя в них, как известно, проявляется историческая закономерность. Согласно китайским хроникам, в поисках контакта с родственниками У Сань-гуя новый император посетил дом семьи У, где ему случайно попала на глаза любимая наложница полководца. Трудно сказать, как точно развивались события, но одно вполне определено: отец У Сань-гуя в письме к сыну, где излагались предложения Ли Цзы-чэна покончить спор миром, одновременно упомянул о том, что новый император остался неравнодушен к его любимой наложнице. Реакция У Сань-гуя была однозначной: он уже не только не помышлял о переговорах, но кипел гневом и искал способы быстрее отмщения.

Следовало как можно скорее покончить с самозванным императором и для этого У Сань-гуй обладал достаточными силами. Но от Шаньхайгуаня до Пекина путь немалый, особенно для пехоты. Иное дело – конница. И недолго думая, китайский полководец вступил в переговоры с маньчжурами. Видимо, немало им пообещав, он добился их согласия и открыл для их отрядов ворота Шаньхайгуаня. Есть основания полагать, что, сделав это и двинувшись на Пекин вслед за маньчжурской конницей, У Сань-гуй в мечтах видел уже на китайском троне самого себя. Однако, когда он с войсками вошел в Пекин, оказалось, что он опоздал. Маньчжуры не только изгнали из столицы Ли Цзы-чэна, который вскоре погиб, но и успели объявить своего малолетнего императора Шуньчжи правителем всего Китая – теперь уже цинского Китая. И хотя власть маньчжурской династии простиралась в это время лишь на район столицы и ее окрестности, дело было сделано. Воевать с маньчжурами в создавшейся ситуации, имея опору лишь в растянутой на многие сотни километров армии, У Сань-гуй не мог, быть может, не решился. Признав, что проиграл, он пошел с армией на службу к завоевателям.

Надо сказать, что антиманьчжурская борьба продолжалась в Китае довольно долго. Но ослабленная длительными внутривосточными неурядицами и только что пережившая крестьянскую войну страна оказалась легкой добычей для хорошо вооруженного и по-боевому организованного войска завоевателей с их высоким потенциалом пассионарности. Маньчжуры же довольно быстро поставили на службу себе уцелевшие китайские войска, ядром которых была армия У Сань-гуя. Два-три десятка лет ушло на то, чтобы подавить сопротивление, едва ли не последним отчаянным актом которого было восстание 1673 г., которое возглавил все тот же У Сань-гуй, бывший к тому времени наместником юго-западных провинций страны. Жребий неудачника, однако, явно преследовал его: восстание было подавлено, а Китай на долгие века стал империей Цин, возглавлявшейся маньчжурскими правителями.

Как и их многочисленные иноземные предшественники на императорском китайском троне, маньчжуры, несмотря на сохраненные для восьмизнаменных войск и всей маньчжурской аристократии привилегии и на официальное запрещение смешанных браков (запрет действовал не слишком строго), быстро китаизировались. Причем они

сознательно не препятствовали этому. Конечно, они стремились сохранить от растворения в гигантской массе китайцев свой немногочисленный этнос, и благодаря запретам и изоляции им это в определенной мере удалось. Но они никогда, подобно монголам, не противопоставляли себя китайцам в плане культурном, напротив, охотно впитывали китайскую культуру, становились конфуцианцами.

Начиная с Канси (годы правления: 1662–1723), маньчжурские императоры были конфуцианцами, причем ревностными. Они управляли страной, следуя древним заветам и внимая советам конфуцианских ученых-чиновников. Были сохранены традиционная китайская административная система, как и механизм воспроизводства бюрократии, т. е. система экзаменов. Были проведены аграрные мероприятия, направленные на упорядочение землепользования и налогообложения. Казенные земли гуань-тянь щедро раздавались маньчжурам, и правительство строго следило за тем, чтобы не слишком привязанные к земле вчерашние воины-кочевники не продавали своих наделов. А если такое все же случалось, правительство время от времени выкупало проданные земли и возвращало их маньчжурам. Императоры строго следили также и за порядком в крестьянской общинной деревне, за эффективностью отвечавших за налоги и связанных круговой порукой низовых ячеек – пятидворок, десятидворок. Все эти меры в общем давали свои результаты. Китай под властью династии Цин на протяжении первых двух веков развивался достаточно интенсивно. Невероятно быстрый рост народонаселения (на рубеже XVIII–XIX вв. в Китае насчитывалось около 300 млн. человек, тогда как на протяжении предшествующих двух тысячелетий средняя численность населения страны колебалась на уровне 60 млн.) внес свои коррективы в привычную динамику династийного цикла.

Дело в том, что бурно возраставшее демографическое давление имело и плюсы, и минусы. Минусом была явная нехватка земли, аграрное перенаселение. Давно ушли в прошлое те времена, когда крестьянский надел измерялся сотней му. Теперь он стал почти на порядок меньше, равнялся немногим десяткам му, если даже не измерялся единицами тех же му. Но зато во многом изменилось отношение к земле. Демографическое давление вызвало к жизни феномен все возраставшей интенсификации и увеличения производительности труда. Улучшались агротехнические приемы, использовались севообороты, принимались во внимание местные условия для выращивания наиболее выгодных культур и реализации их на рынке. И во всем этом активное участие принимало государство – ведь оно было в конечном счете ответственным за все, включая хозяйство страны. Положение в земледелии для него не могло не иметь значения.

В соответствии с классическим тезисом китайской древности: «земледелие – ствол, основа; торговля, ремесло и иные занятия – ветви, второстепенное» – маньчжурское правительство и весь аппарат его администрации обращали внимание именно на состояние землепользования, так как положение в этой сфере экономики не только гарантировало основную часть доходов казны, но и обеспечивало внутреннюю стабильность империи. Маньчжуры обеспечили покорность китайского населения (символом его была коса, которую под страхом смерти обязаны были носить китайцы мужского пола), но, добившись этого, весьма активно заботились о процветании экономики страны и благосостоянии ее населения, вполне всерьез воспринимая при этом классический конфуцианский тезис о том, что высшая цель верхов – благо народа, на котором зиждется благополучие государства.

Если не считать земель категории гуань-тянь, которые раздавались маньчжурской знати и солдатам, за счет которых существовали императорский двор и храмы, а также выделялись служебные наделы чиновникам, то все основные земли страны были, как и обычно, землями минь-тянь. Было бы неточным считать эти земли частными, даже если они почти свободно переходили из рук в руки. Ведь перемещение земельных участков из одних рук в другие – феномен, с которым Китай был знаком всегда, по меньшей мере с Чжоу. И для китайского государства, которое, впрочем, было озабочено тем, чтобы

каждый пахарь имел свое поле, в принципе было не так уж важно, у кого земля; важно только, чтобы за ее использование аккуратно выплачивалась рента-налог. Едва ли не наиболее очевидно это из того, что все земледельцы-налогоплательщики для китайского государства всегда были единым недифференцированным сословием, вне зависимости от их имущественного состояния или имущественных и иных социальных различий. Другое дело, что существенное перемещение земель во владение богатых всегда так или иначе ударяло по казне, и именно поэтому государство то и дело предусматривало в своих реформах препятствия для такого перемещения или заново предоставляло земли всем нуждающимся в них. Но можно ли было обойтись без этого и, точнее, как с этим обстояло дело в цинском Китае?

Из источников явствует, что основным контингентом богатых землевладельцев были шэньши и разбогатевший городской люд, ремесленники и торговцы. Связи между этими категориями владельцев, как и между ними, с одной стороны, и разбогатевшими деревенскими землевладельцами – с другой, издавна были самыми тесными. В богатых деревенских кланах всегда были свои шэньши, а богатые горожане не упускали случая породниться с обедневшими шэньши и тем повысить свой статус. Все это в конечном счете влекло за собой, как и обычно, перекачивание всей тяжести налогов на средних и мелких землевладельцев. Ведь с шэньши, которые помогали чиновникам управлять страной и принимали активное участие во всех общественных делах на местах – в строительстве дорог, храмов, плотин, каналов, сборе налогов, организации тех или иных массовых движений и начинаний и т. п., – много не возьмешь. Напротив, к ним еще и прилипало немало из того, что бралось в форме налогов и повинностей в данном уезде. Так что же было делать с интересами казны?

Уже говорилось о том, что в цинском Китае обычный династийный цикл несколько деформировался за счет прежде всего гигантского демографического взрыва. В земельных отношениях, бывших всегда фундаментом каждого цикла, эти изменения нашли свое отражение в том, что увеличившееся население и резкая интенсификация земледельческого труда с соответствующим ростом производства (другой вопрос, всегда ли компенсировал этот рост увеличившееся количество голодных ртов) заметно ослабили заботы государства о регулярном поступлении налогов в казну. Вместе с увеличением производства объективно возникала возможность и роста налогов. Хотя значительная часть земель оказывалась в руках богатых и они не очень-то торопились платить в казну налоги, на общей массе налогов с данного уезда это не сказывалось слишком заметно, ибо возросшее количество дворов возмещало потери. Дело в том, что с 1713 г. налоговая квота с каждого уезда надолго была жестко фиксированной. Практически это значило, что казна довольствовалась сбором точно означенной суммы, тогда как все остальное могло едва ли не беспрепятственно оказываться в распоряжении местной власти, т. е. уездного чиновника и окружающих его богатых земледельцев и шэньши, на которых этот чиновник, а вместе с ним и вся власть, надежно опирались. Мало того, из этих собранных сверх квоты налоговых сумм свою долю получали и чиновники более высоких рангов, вплоть до столичных. Государство знало об этом и, видимо, даже не всегда считало это коррупцией. Просто это была форма дополнительной оплаты власть имущих, форма подкормки шэньши, число которых в XVIII–XIX вв. в цинском Китае исчислялось, с семьями, в несколько миллионов человек.

**4) Цинский Китай и внешний мир.** Маньчжурская династия в некотором смысле оказалась уникальной для Китая. Ни одному из завоевавших Китай народов не удавалось так удачно вписаться в классическую структуру империи. И не просто вписаться, но найти свое место в этой структуре, не раствориться целиком в ней, а сохранить формальный этнополитический приоритет, династию на протяжении немногим менее трех столетий. Это был своего рода рекорд. Чем же можно объяснить его?

Прежде всего тем, что маньчжуры весьма активно усваивали конфуцианскую



культурную традицию. Стоит напомнить в этой связи о 16 заповедях Канси – катехизисе для простого народа, вобравшем в себя в сжатом и понятном виде всю суть великого древнего учения, квинтэссенцию его, весь его нравственный потенциал. Уже одно то, что этого не делал никто до Канси и что это было сделано именно маньчжурским императором на китайском троне, говорит о многом. Далее, маньчжуры не только приняли конфуцианство, что называется, всем сердцем, но и весьма удачно реализовывали его на практике, прежде всего в сфере администрации. Выгодные для них демографическо-экономические процессы они сумели использовать таким образом, чтобы, не обременяя чересчур налогами земледельцев, которые едва ли не с каждым поколением вынуждены были довольствоваться все уменьшавшимися наделами земли, сохранить минимум доходов и распределить все остальное так, чтобы, как говорится, и овцы были целы, и волки сыты.

Разумеется, нет нужды идеализировать маньчжурское правление Китаем. Но памятуя, сколь много гневных стрел было направлено исследователями в адрес цинского Китая и его политики, стоит все-таки восстановить историческую справедливость. А она в том, что по меньшей мере на первых порах, в XVII–XVIII вв., маньчжурское правление в Китае было не слишком уж ошутимо скверным для китайцев. Пожалуй, даже – если не иметь в виду чувство попранного национального достоинства в первые десятилетия правления цинской династии – маньчжурское правление, начиная с Канси, было временем сравнительно благополучного существования для страны. И это время продолжалось достаточно долго. В частности, оно охватило и долгие годы правления Цяньлуна (1736–1796), когда в империи достаточно быстрыми темпами развивались города, ремесло и торговля, а внутренняя стабилизация была настолько очевидной, что создавала весьма благоприятные условия для активной завоевательной внешней политики.

Вообще отношения цинского Китая с внешним миром складывались в XVII–XVIII вв. с явным преимуществом в пользу Китая. Колонизация Китая почти не затронула. Первое поколение миссионеров, энергично начавшее осваивать Китай в конце правления династии Мин, продолжало занимать заметные позиции и при цинском дворе вплоть до конца XVII в. Однако уже в начале XVIII в. от услуг миссионеров Китай стал отказываться, а затем и вовсе закрыл христианские церкви и выслал из страны миссионеров. Соответственно цинское правительство поступило и с иностранными торговцами. Если в XVII в. португальские, голландские, а затем также английские и французские купцы пытались наладить с Китаем торговые связи и добились некоторых успехов, то в середине XVIII в. торговля с европейцами была ликвидирована, за исключением одного порта в Кантоне (Гуанчжоу), да и там торговля должна была вестись через посредство утвержденной правительством компрадорской компании китайских купцов, строго контролируемой чиновниками. При этом в распоряжении португальцев остался прибрежный остров Макао, который был своего рода опорным пунктом иностранной торговли.

Правда, к концу XVIII в. узкий ручеек транзитной торговли с Китаем вновь понемногу стал расширяться. Китайский шелк, чай, фарфор и иные товары, пользовавшиеся в Европе исключительным спросом, стали продаваться иностранным купцам в большем количестве. Но и здесь не все было гладко. Дело в том, что европейцы мало что могли предложить взамен. Показателен в этом смысле эпизод с английской миссией Макартнея.

Когда в 1793 г. в Китай прибыла первая европейская официальная миссия (к слову, на кораблях, везших миссию по рекам и каналам Китая, была начертана весьма характерная надпись: «Носитель дани из английской страны»), Макартнею был вручен императорский эдикт для передачи королю Георгу III. В эдикте между прочим было сказано: «Как ваш посол мог сам убедиться, у нас есть абсолютно все. Мы не придаем значения изысканно сделанным предметам и не нуждаемся в изделиях вашей страны». И это, в общем, было именно так. Потребности китайцев вполне удовлетворялись

китайскими изделиями, а расширять эти потребности цинское правительство резонно не желало, не говоря уже об ограничительной силе самой китайской традиции. Так что иностранные колонизаторы практически мало что могли извлечь из торговых связей с цинским Китаем. Даже наоборот, они вынуждены были платить, скажем, серебром за изысканные китайские товары. Во всяком случае до тех пор, пока англичане не сумели найти выход. Да еще какой!

В обмен на китайские изделия они стали ввозить выращивавшийся в других странах, в основном в Индии, опиум, к курению которого китайцы, особенно жившие в приморских районах, стали быстро привыкать. Ввоз опиума в конце XVIII и особенно в XIX в. все возрастал, пока объем ввозимой отравы не превратился в подлинное бедствие для страны, что и привело к серии опиумных войн в середине XIX в. Собственно, только после этих войн и поражения в них Китая цинская империя начала превращаться в полуколонию. До того ситуация была совершенно иной. Цинское правительство, закрыв свою страну для повседневных контактов с внешним миром и ограничив эти контакты минимумом регулярных связей, немало способствовало тому, что Китай в XVII–XVIII, да и в начале XIX в. был не просто независимой державой, но и демонстрировал свои немалые потенции.

Усилиями цинских властей в начале XVII в. была завоевана Внутренняя Монголия, которая после превращения Китая в империю Цин стала ее частью. Вассалом цинского Китая была Корея, к Китаю был присоединен Тибет. В середине XVIII в. экспедиции Цяньлуна привели к включению в империю Внешней Монголии и Восточного Туркестана (Синьцзян), а в конце того же века цинские войска совершили ряд успешных походов на Непал, Бирму, Вьетнам, а также несколько потеснили русских в районе Амура. Уже один этот краткий перечень свидетельствует о том, что в течение XVII–XVIII вв. цинский Китай территориально вырос едва ли не вдвое, далеко выйдя за пределы Великой стены (Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет стали как бы буферными землями, надежно охранявшими собственно Китай), да к тому же еще и оброс вассально зависимыми от него государствами на востоке и юго-западе империи.

Особо следует сказать о русско-китайских отношениях. Если первые шаги в этой области были сделаны, как упоминалось, в конце периода Мин, то основные миссии, главным образом русских в Китай, последовали после установления цинской власти (миссии Ф.И. Байкова в 1654–1657 гг., Н.Г. Спафария в 1675–1678 гг. и др.). Хотя эти миссии не достигли поставленной цели, т. е. не сумели установить с Китаем прочные связи, они немало сделали для этого. Параллельно с миссиями шло продвижение русских казаков, которые вышли к Тихому океану и Амуру и начали осваивать некоторые приамурские территории, которые маньчжуры считали своей вотчиной. Назревала остроконфликтная ситуация. В 80-х годах XVII в. Канси перешел к активным действиям: маньчжурское войско вытеснило казаков из крепости Албазин. И хотя вскоре казаки вернулись обратно, обеспокоенное московское правительство решило начать переговоры, для чего было направлено специальное посольство Ф.А. Головина. Трудные переговоры в Нерчинске закончились подписанием в 1689 г. Нерчинского договора, условия которого оказались невыгодными для России (казаки были обязаны оставить Албазин и очистить Приамурье).

Как бы в компенсацию за это через четверть века (1715) была достигнута договоренность об открытии в Пекине Русской духовной миссии – под формальным предлогом заботы о религиозных потребностях тех из албазинских казаков, кто попал в китайский плен и жил в Пекине. Миссия со временем стала не столько духовным, сколько культурным, научным и дипломатическим центром. Там получали китаеведческое образование и писали свои сочинения лучшие специалисты XVIII–XIX вв. по Китаю, включая знаменитого Н.Я. Бичурина, отца Иакинфа. Миссия сыграла немалую роль в налаживании контактов России с Китаем в те времена, когда регулярного обмена посольствами и тем более стационарных посольств иных стран цинский Китай еще не

знал. Важно также, что уже с середины XVIII в. между Россией и Китаем через Монголию была налажена достаточно регулярная транзитная торговля.

Из сказанного вполне очевидно, что вплоть до XIX в. цинский Китай уверенно и даже не без оттенка высокомерия сохранял свои традиционные позиции в сношениях с внешним миром. Кое в чем он время от времени поступался, разрешая, в частности, вести торговлю с европейскими и русскими купцами без обычного прикрытия этих связей камуфляжем даннических отношений. Хотя, как это хорошо видно из материалов о посольстве Макартнея или из описей русских миссий, во взаимоотношениях с официальными представителями держав маньчжуры твердо стояли на почве традиции, едва ли не искренне считая послов представителями от государств-вассалов, если не реальных, то потенциальных. Словом, цинский Китай, особенно после его немалых территориальных приобретений XVII–XVIII вв., был одной из крупнейших стран мира с достаточно еще стабильной и жизнеспособной внутренней структурой, с хорошо налаженной экономикой, сильной армией. Но слабость его была именно в том, что в другие времена всегда составляло его силу, – в мощи китайского традиционного государства, в отсутствии развитой по европейским меркам и принципам частной собственности. Это стало отчетливо сказываться с начала XIX в., когда англичане начали быстрыми темпами наращивать ввоз опиума в Южный Китай.

Движимые жадной наживы, английские купцы поставили дело на широкую ногу, так что то самое серебро, которое до того шло в Китай, теперь стало щедрым потоком идти в обратном направлении – в качестве платы за опиум, торговля которым шла в основном контрабандным путем. Несмотря на официальные запреты и даже эдикты императора, торговля не прекращалась, причем нет сомнений в том, что на этом грели руки и наживались многие чиновники цинской администрации. Только в 1839 г., когда наместником двух южных провинций стал Линь Цзэ-сюй, началась энергичная борьба против опиумной контрабанды, в ходе которой конфискации подверглись запасы опиума в английских торговых факториях. Эти события были использованы Англией в качестве *casus belli*. В конце 1839 г. были спровоцированы первые столкновения китайцев с англичанами, а летом 1840 г. британская военная эскадра высадила десант. Отставка Линь Цзэ-сюй не смягчила остроту конфликта, с обеих сторон начались открытые военные действия, которые завершились успешным продвижением англичан и капитуляцией цинского Китая летом 1842 г.

Неповоротливость традиционного государственного механизма, неумение вести бои против хорошо вооруженных современным оружием английских войск – все это, равно как и экономическая незаинтересованность Китая в активных связях с внешним миром, поставило страну в крайне невыгодное положение перед лицом активного, энергичного, напористого врага, движимого чувством наживы и стремлением найти емкий рынок для своей нуждающейся в новых рынках капиталистической промышленности. Нанкинский договор 1842 г. практически поставил Китай на колени: империя должна была выплатить огромную контрибуцию и предоставить Англии множество льгот, начиная с открытия для торговли теперь уже пяти портов и кончая льготными условиями для британских торговцев, вплоть до низких 5%-ных таможенных тарифов. Вскоре аналогичные льготы получили торговцы других капиталистических стран, а все иностранцы приобрели право экстерриториальности, т. е. неподсудности китайским властям. Именно эта серия неравноправных договоров и открытые Китая для иностранной торговли на очень льготных основах, с откровенными привилегиями для иностранцев, и положили начало не столько превращению Китая в полуколонию (преувеличивать этот момент едва ли стоит – Китай оставался вплоть до XX в. политически независимым государством, хотя, конечно, он в международных делах все же зависел от баланса политических сил капиталистических держав), сколько упадку империи, концу цинской династии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

### *Источники*

1. Социальная история стран Зарубежной Азии / Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова. М., 1927, т. 1—11.
2. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1961—1963, т. I—II.
3. Хрестоматия по истории зарубежной литературы средних веков / Сост. В. И. Пуришев и Р. О. Шор. М., 1953.

### *Пособия*

4. Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. М., 1994.
5. Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М., 1940.
6. Всемирная история. М., т. III, 1957; т. IV, 1958.
7. Всеобщая история искусств. М., 1960, т. II.
8. История дипломатии. М., 1959, т. 1.
9. История стран Азии в средние века. М., 1970.
10. История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957.
11. Колесницкий Н. Ф. Феодалное государство. М., 1967.
12. Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963.
13. Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. 1896—1899, т. I-IV.
14. Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1951—1953.
15. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
16. Советская историческая энциклопедия. В 12 (16) т. Т. 1-16. - М.: Советская энциклопедия, 1963 - 1976.
17. Новая история стран Азии и Африки: В 3 ч. М., 2004.
18. Новейшая история стран Азии и Африки: В 3 ч. М., 2004.